Ментальные основы российской государственности// Россия в поисках национальной стратегии развития. Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург. 2003. С. 81-84.

8 См.: *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Том 1. От прошлого к будущему. Изд. 2. Новосибирск. 1997.

9 См.: Западники и националисты: возможен ли диалог? Материалы дискуссии. М., 2003.

ИДЕНТИЧНОСТЬ ВЫНУЖДЕННЫХ МИГРАНТОВ И РОССИЯН КАК ФАКТОР УСПЕШНОЙ АДАПТАЦИИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В НАШЕЙ СТРАНЕ

И.Б. Бритвина
(г. Шадринск)

Бритвина Ирина Борисовна
кандидат философских наук, доцент,
зав. кафедрой отечественной и всемирной истории Шадринского государственного педагогического института.

Миграция населения является одной из важнейших проблем народонаселения и рассматривается в различных науках не как простое механическое перемещение людей по территории, а как сложный социальный процесс, затрагивающий многие стороны жизни отдельных стран, континентов и планеты в целом. Одним из видов миграционных перемещений является «вынужденная миграция», которая провоцируется комплексом неблагоприятных обстоятельств страны исхода, и комплексом притягивающих обстоятельств страны въезда.

XX век уже назван «эрой миграции». Миграция действительно стала одним из главных факторов социального преобразования и развития во всем мире. Количество мигрантов увеличивалось быстрее, чем население земного шара.[1] Современный вектор миграционного потока направлен от менее развитых стран к более развитым. В результате фактор миграции сильнее воздействует именно на развитые страны. Считается, что такая высокая концентрация доли некоренного населения негативно сказывается на социальных отношениях, культуре, национальной идентичности и политике этих стран. Однако когда в страну возвращаются представители коренного этноса, национальная идентичность, как правило, укрепляется (например, воссоединение евреев в Израиле, немцев в Германии т.д.)

Сама миграционная ситуация на постсоветском пространстве в конце XX в. диктует необходимость пристального внимания к ней и тщательного научного анализа. Миграционные потоки были столь масштабны, что до сих пор продолжают определять некоторые стороны социального развития этих стран, отвлекая на себя серьёзные материальные ресурсы, вынуждая правительства стран особо заниматься миграционной политикой.

Мигранты — особенно уязвимая категория людей, чье право на труд, как и права человека, постоянно нарушаются. По мнению Международной организации по миграции (МОМ), на мигрантов «все чаще и чаще возлагают вину за все внутренние проблемы современного общества, в частности за безработицу, преступность, наркоманию и даже за терроризм.[2] Подобное отношение можно наблюдать и к вынужденным мигрантам, которые в результате распада СССР по ряду причин стали переселяться в Россию. Социологи из Приволжья свидетельствуют, что в явном и неявном виде протаскивается идея о негативных последствиях притока иммигрантов – лишняя нагрузка на бюджет, конкуренция местной рабочей силе, рост межнациональной напряженности и преступности. Даже сам факт передачи проблем миграции в ведение МВД, по их мнению, символизирует обвинительный уклон при рассмотрении внешних миграций.[3]

Проблемы адаптации мигрантов характерны практически для всех государств, а принимающее сообщество, несмотря на степень цивилизованности страны, как правило, настороженно относится к репатриантам, а с ростом их количества, учёные фиксируют усиление мигранто- и этнофобий. Ю.А. Левада считает, что недоверие к переселенцам из других стран производно от страхов утраты «ресурсов» и «утраты собственной идентичности».[4] В.И. Мукомель пишет, что страхи «вторжения другого» служат вербальным объяснением эмоционального восприятия мигрантов как чужеродных, незваных гостей. В данном случае, видимо, более значимы социокультурные страхи «утраты идентичности».[5] Таким образом, проблема поиска идентичности

– это важнейшая социальная проблема любой трансформирующейся страны.

Идентичность определяется группой факторов. Политические факторы оказывают значительное влияние как на вынужденную миграцию в целом, так и на адаптацию переселенцев в России. Именно эти факторы во многом детерминируют особенности миграционных перемещений, и мигрантофобии принимающего сообщества. Но в данной статье мы бы хотели остановиться на источниках идентичности вынужденных мигрантов из стран ближнего зарубежья и коренных россиян, что позволяет оптимистично оценивать результаты адаптации переселенцев в нашей стране. Хотя надо признать, что российская политика в отношении вынужденных мигрантов и уровень неприятия мигрантов, во многом производный от результатов политики, не позволяет сегодня проявлять оптимизм в этом вопросе. Мы считаем, что факторы идентичности в случае вынужденной миграции являются базовыми, основными, их отсутствие нельзя восполнить никакими политическими актами.

Оптимизм внушает то, что процент возврата переселенцев обратно в страну исхода очень мал. Подавляющее большинство мигрантов устраивается в России на постоянное место жительства. Это подтверждается как статистикой Федеральной миграционной службы, так и данными социологических опросов.[6] Мы в 2004 г. опросили 361 вынужденного мигранта из стран СНГ и Балтии, поселившихся на постоянное место жительства в Курганской области. Более половины респондентов (58,6%) считают, что они полностью адаптировались на новом месте жительства, четверть опрошенных - адаптировались частично. Эти результаты, на первый взгляд, вполне хорошие. Но нужно учесть, что подавляющее большинство опрошенных вынужденных мигрантов (72%) переехали в Россию более пяти лет назад. Эти данные показывают, как долго протекает процесс адаптации у некоторых переселенцев, хотя большинство мигрантов – это русские, вернувшиеся на свою историческую родину. Кроме того, успешность адаптации не всегда зависит от срока проживания в новой стране. Мы считаем, что во многом это связано со степенью идентичности вынужденных мигрантов с коренными россиянами. Кратко рассмотрим источники их идентичности.

Естественным источником идентичности в вынужденной миграции будет расовая и этническая принадлежность большинства переселенцев и самих россиян, а именно тот факт, что 80% жителей России считают себя русскими и подавляющее большинство мигрантов из стран ближнего зарубежья – это также русские (до 70-80%).[7]

Территориальным источником такой идентичности является факт существования до 1991 года единого социально-политического пространства СССР, в котором жили нынешние мигранты и сами россияне, что не могло не сказываться в похожем образе жизни, в едином менталитете и т.д. Также здесь нужно учесть тот факт, что вынужденные мигранты живут в нашей стране, по нашим законам и в наших условиях, что так же работает на повышение степени идентичности.

Экономический фактор идентичности вытекает из вышесказанного в том смысле, что переселенцы работают вместе с россиянами на одних и тех же предприятиях, имеют такой же доход, такие же проблемы и условия труда. Правда здесь нужно учесть факт стремления части вынужденных мигрантов к «самоизоляции», «капсулированию», что связано с трудностями их адаптации. Но, как показывают опросы, большинство вынужденных мигрантов настроены на сближение с местным населением, хотя, надо признать, что проблем здесь возникает много.[8]

И, наконец, культурные источники совместимости основываются на единой языковой среде, которая однозначно связана с русским языком, а также с единой региональной и национальной средой, в которой находятся мигранты и россияне.

В отношении последнего, мы бы хотели обратить внимание на бытование общих стереотипов мышления и поведения, которые свойственны русскоязычным переселенцам и коренным россиянам. Мы считаем, что это важное дополнение к культурным источникам идентичности, т.к. стереотипизация носит социально-культурный характер.

Многие авторы признают, что стереотипизация действует на различных уровнях социального взаимодействия, но главными среди них будут, прежде всего, этнический и расовый уровни, и значительно реже – профессиональный или возрастной. Основной массив зарубежных работ по социальным стереотипам выполнен именно на материале этнических или расовых стереотипов.[9]

Много написано про конфликт этнических стереотипов в вынужденной миграции на постсоветском пространстве (см., например, работы А.И. Спицына на примере Оренбуржья; об этом упоминают и учёные из Пензы по итогам опросов в Ульяновской области; подтверждается это данными из Ханты-Мансийского округа; напомним так же про термин «другие русские», введённый в научный обиход Н.П. Космарской).[10] Причины такого положения вещей во многом связаны с социокультурными особенностями отпускающих и принимающих сообществ, с бытованием в разных культурах различных гендерных стереотипов. Процесс миграции приводит к смене культурного-этнического окружения, и, в конечном счёте, происходит перемещение мигрантов из одной системы господствующих стереотипов в систему, где властвуют другие представления и нормы, имеющие стереотипизированный характер. Но этот процесс не приводит к автоматическому

освобождению переселенцев от стереотипов, культурно воспринятых в стране исхода, вместе с пересечением границы страны предназначения. Они ещё очень долго оценивают новую реальность с точки зрения не до конца утраченных шаблонов сознания. Но дело в том, что и ведут они себя некоторое время (иногда довольно длительный период) также в соответствии с усвоенными образцами. Это не могут не замечать коренные жители принимающей стороны, которые оценивают переселенцев в соответствии со своими стереотипами сознания. Именно здесь и возникает главный конфликт взаимного неприятия обеих сторон. Это обстоятельство, по нашему мнению, может иметь несколько сторон: во-первых, как сказываются на адаптации стереотипы самих мигрантов, усвоенные в стране исхода, во-вторых, как на их привыкание влияют стереотипы коренных россиян, и, в-третьих, какой степени остроты достигает конфликт столкновения двух групп стереотипов. Думается, что конфликт стереотипов страны исхода и страны предназначения мешает успешной адаптации переселенцев, увеличивает её сроки, тем более, что носителями этих двух видов стереотипов являются разные группы людей: мигранты и коренные россияне.

Однако, есть здесь и моменты идентичности, про которые не нужно забывать, увлекаясь описанием проблем культурной несовместимости. Можно отметить некоторые благоприятные обстоятельства, вытекающие из особенностей постсоветских вынужденных миграций, что несколько смягчало конфликт стереотипов и помогало нарастанию степени идентичности. А именно то, что русскоязычные переселенцы, во-первых, ехали на свою историческую родину, а многие из них и родились в России, а во-вторых, то, что до 1991 г. все страны исхода объединяло с Россией одно социально-политическое пространство – Советский Союз. В силу этого обстоятельства все бывшие жители СССР не могли не иметь общих стереотипов, обусловленных советским образом жизни. Общими, советскими были и ряд гендерных стереотипов, связанных с представлением о женщине как об активной труженице, успевающей рожать, воспитывать детей и принимать участие в общественной жизни. В сознание советских людей активно внедрялись представления о мужчине и женщине, как о равноправных партнёрах в труде и во всех других сферах жизни, но и одновременно - представления о мужских и женских типах занятости. Нужно вспомнить, что советской реальностью было и существование бесполых норм и стереотипов, в которых практически не обозначался гендер, например, «борцы за коммунизм», «труженики производства», «победители соцсоревнования» и т.д.

Кроме единого советского пространства, существуют и общие моменты культурной идентичности народов разных республик, которые также были залогом смягчения конфликта стереотипов. Ш. Берн доказал, что есть четыре аспекта, по которым сходятся различные по другим показателям культуры: разделение труда по половому признаку; убеждения или стереотипы, связанные с различием между мужчинами и женщинами; дифференциальная социализация мальчиков и девочек; меньшая власть и более низкий статус женщин.[11] Мы видим, что это стереотипы, обусловленные социокультурными факторами, и, таким образом, их наличие во всех культурах может служить залогом идентичности мигрантов и коренных россиян.

Таким образом, идентичность русскоязычных вынужденных мигрантов и россиян обусловлена историческими, этническими, культурными и экономическими факторами, а моменты неприятия друг друга могут быть изжиты при правильной политике государства и при желании переселенцев преуспеть в укреплении идентичности.

1 Zlotnic H. Trends of international migration since 1965, what existing data reveal // International Migration. 1999. № 37. P. 21-61.

2 Материалы «Всемирной конференции по борьбе против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости». http://www.un.org/russian/conferen/racism/vision.htm

3 Артоболевский С. С., Бадыштова И. М., Зайончковская Ж. А., Лухманов Д. Н., Мкртчян Н. В. Миграционная ситуация в Приволжском федеральном округе // http://antropotok.archipelag.ru/keys1/keys1-1.htm

4 Левада Ю.А. От мнений к пониманию: социологические очерки 1993-2000. М.: Моск. Школа политич. Исследований, 2000. С.167

5 Мукомель В.И. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // Социс., 2005. № 2, С. 58

6. см. работы В. В. Амелина, И.М. Бадыштовой, В. В. Гриценко, Е.А. Назаровой, А. И. Спицына, Е.И. Филипповой и др.

7 Основные итоги всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2003. С. 15; Оруджиева А. Одни – на запад, другие – на Восток: Миграционные процессы на Урале // Родина. – 2001. – № 11. – С. 81-83; Беженцы и вынужденные переселенцы. Электронная версия бюллетеня «Население и общество» / Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Восьмой ежегодный демографический доклад «Население России 2000» // www.demoscope.ru

8 Дубовый Л. М., Константинов В. В. Психологические проблемы компактно проживающих вынужденных мигрантов // Психологические проблемы профилактики экстремизма в российском обществе: Сб. мат. всероссийской науч.-практ. конф. – Пенза, 2002. С. 16; Гриценко В.В. Роль индивидуальных различий в процессе адаптации вынужденных мигрантов // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы / Под ред. Г. У. Солдатовой. – М.: Смысл, 2001. – С. 112-138

9 Агеев В.С. Психологическое исследование

социальных стереотипов // Вопр. психологии. 1986. № 1. С. 96

10 Спицын А.И. Социально-экономическое регулирование миграционных процессов населения в регионе // Миграционные процессы в Оренбуржье: проблемы экономического регулирования и социальной адаптации переселенцев. Оренбург, 2004. С. 4; Дубовый Л.М., Константинов В. В. Психологические проблемы компактно проживающих вынужденных мигрантов // Психологические проблемы профилактики экстремизма в российском обществе: Сб. мат. всероссийской науч.-практ. конф. – Пенза, 2002. С.15-16; Кутепова Л. В. Особенности миграционных процессов в Ханты-Мансийском автономном округе: социологический аспект // Диссертация на соискание учёного звания канд. социол. наук, Екатеринбург, 2000, С. 81; Космарская Н. П. «Женское измерение» вынужденной миграции и миграционное законодательство России // Проект «Гендерная экспертиза» Московского центра гендерных исследований. – М., 1998

11 Берн Гендерная психология СПб, 2001. www.book-price.ru/book-16053.html

Трахтенберг А.Д

КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ДИСКУРСИВНОЙ АССИМИЛЯЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ)

Трахтенберг Анна Давидовна
кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

28 июля 2003 г. Президент России подписал указ, закрепляющий в Конституции РФ новое наименование Ханты-Мансийского автономного округа – «Югра». Согласно этому указу, в то время как наименование «Ханты-Мансийский автономный округ» обозначает вид субъекта РФ как государственно-публичного образования с собственным именным названием, «Югра» содержит в себе указание на историческо-территориальную принадлежность указанного государственно-публичного образования, обладающую самобытными национальными традициями проживающих на этой территории народов. На общефедеральном уровне данный указ прошел практически незамеченным.

Парадоксальность ситуации состоит в том, что по форме перед нами типичный случай восстановления «исконного», традиционного названия территории (по аналогии, например, с «Республикой Саха – Якутия» или «Башкортостаном»). Однако в качестве исконного было выбрано старинное новгородское название северных земель Приуралья и Зауралья, не выдержавшее (как и сам Господин Великий Новгород) конкуренции с московским названием «Сибирь» и вышедшее из употребления уже к XVI веку. Президентским указом это название было присвоено административному образованию, созданному в 1930 году в рамках реализации ленинско-сталинской национальной политики на базе ряда районов Тобольского округа Уральской области, населенных ханты и манси.[1] Дополнительной причиной создания национального округа стала вполне прагматическая потребность создать территориальные органы управления «кулацкой ссылкой», одним из центров которой стала будущая «Югра».

С точки зрения теории дискурса и ментальной географии, добавление одного слова в название субъекта федерации – название, которое постоянно фигурирует во всех официальных документах, как внутриокружных, так и направляемых в федеральный центр – представляет собой весьма значимое явление. Тем самым на федеральном уровне были закреплены результаты конструирования постсоветской региональной идентичности, осуществленного в одном из ключевых в экономическом плане субъектов федерации. Естественно, президентский указ отнюдь не означал завершения этих процессов, однако свидетельствовал о том, что региональная элита добилась получения еще одного важного статусного признака, что было важно как тактически (учитывая продолжающееся противостояние с тюменской элитой, стремящейся ликвидировать